

та зависит и судьба Армии, и жизни людей, вставших в её ряды.

6.2. Хомутовская. Движение Армии к Егорлыкской

Генерал Корнилов склонялся поначалу к тому, чтобы двигаться на юго-восток в район зимовников, подальше от железных дорог и крупных населённых пунктов. Там, по его мнению, Армия могла бы отсидеться в относительной безопасности. В развитие этого плана им были даны соответствующие предварительные распоряжения.

Видя это, днём 12(25) февраля генерал Алексеев написал Корнилову следующую записку⁴³: «События в Новочеркасске развиваются с чрезвычайной быстротой. Сегодня к 12 часам положение рисуется в таком виде:

атаман слагает свои полномочия; вся власть переходит к военно-революционному комитету; круг вызвал в Новочеркасск

на окраину. Уже ночью к добровольцам подъехали три всадника, Марков, его адъютант капитан Образцов и доктор Родичев. Начальник заставы штабс-капитан Крыжановский подошёл к командиру полка с рапортом.

– А, это, стало быть, вы? – прервал его Марков. – Ну, что вы там начудили?

Выслушав историю о Мервском оазисе, Марков не выдержал и расхохотался, но тут же заметил подошедшего к заставе Згривца.

– Весёлые у вас люди, капитан, – заметил он.

– А чего им... только и делают, что ржут. Вот теперь пусть помёрзнут, что бы их в Туркестане не попало...

«Теперь, – пишет Рейнгардт, – смеются и ген. Марков, и д-р Родичев, и Митя Образцов. А мы... мы ржём. Згривец насупился. Желая поддержать и утешить его, ген. Марков, указывая на кисть его раненой руки, спрашивает:

– Ну, как, капитан – работает?

– Работает, ваше-ство! – оживился Згривец.

Но он врёт: кисть его руки остаётся неподвижной и три месяца спустя будет лежать она, такая же неподвижная, на его тоже уже неподвижной груди, закрывая собою маленькое отверстие от пули, пронизавшей его сердце».

Эта история, не имеющая на первый взгляд какой-либо значимости, даёт, если вдуматься, куда большее, нежели многотомные фундаментальные издания, представление о Добровольческой армии и о людях, ушедших от Ростова в неизвестность.

⁴³ То, что Алексеев, не поставленный даже в известность о направлении дальнейшего движения Армии, предпочёл не поговорить с Корниловым, а обратиться к нему письменно, свидетельствует о многом. Неприязнь между двумя вождями Армии сохранялась. Она то затухала, то вспыхивала вновь, но никогда не исчезала совсем. Лишь смерть Корнилова покончила с ней навсегда.

революционные казачьи части, которым и вверяет охрану порядка в городе; круг начал переговоры о перемирии: станица Константиновская и весь север области в руках военно-революционного комитета; все войсковые части (главным образом, партизаны), не пожелавшие подчиниться решению круга, во главе с походным атаманом и штабом, сегодня выступают в Старочеркасскую для присоединения к Добровольческой армии.

Создавшаяся обстановка требует немедленных решений не только чисто военных, но в тесной связи с решением вопросов общего характера.

Из разговоров с генералом Эльснером и Романовским я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к северо-западу от станицы Великокняжеской. Считаю, что при таком решении невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение доверивших нам свою судьбу людей. В зимовниках отряд будет очень скоро сжат с одной стороны распустившейся рекой Доном, а с другой – железной дорогой Царицын – Торговая – Тихорецкая – Батайск, причём все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнения людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий в России.

Так как подобное решение выходит из плоскости чисто военной, а также потому, что предварительно начала какой-либо военной операции, необходимо теперь же разрешить вопрос о дальнейшем существовании нашей организации и направлении ее деятельности – прошу Вас сегодня же созвать совещание из лиц, стоящих во главе организации с их ближайшими помощниками».

Корнилов, чувствовавший себя отчасти виноватым перед Алексеевым, а скорее, и сам колебавшийся в выборе единственно верного решения, вечером того же дня созвал Военный совет, на котором объявил, что склоняется всё же к выдвиганию

в район зимовников. Однако выступавшие вслед за ним генералы один за другим высказывали противоположное мнение. Суть их возражений сводилась к следующему. Возможно, Армию и удалось бы расположить и даже прокормить до весны. Существовала вероятность, что после разлива Дона большевики оставили бы её на какое-то время в покое. Но в зимовниках добровольцы неизбежно оказывались отрезанными от остального мира. Ни о каком притоке новых сил в этом случае не могло быть и речи. И главное, бесцельное, бесполезное стояние в степи, в стороне от крупных населённых пунктов самым негативным образом сказалось бы на моральном состоянии бойцов. Бездеятельность разложила и решающим образом ослабила бы Армию вернее и скорее противника. Предлагалось не отказываться от старого плана выдвижения на соединение с частями Кубанской рады. Менялось лишь направление, не на Тихорецкую по железной дороге, а походным порядком непосредственно к Екатеринодару. Там предполагалось создать новую базу, пополнить численный состав и поднять техническую оснащённость Армии до уровня, позволившего в дальнейшем перейти к наступательной тактике.

Лишь Лукомский и А.П. Богаевский⁴⁴ поддержали Командующего, и доводы их представлялись также весьма убедительными. Если в зимовниках добровольцы были обречены на бездействие, то при следовании на Кубань Армия неизбежно втягивалась в тяжёлые бои с серьёзным противником. Большая часть узловых станций и дорог уже находились в руках советских войск, что обеспечивало им свободу манёвра и позволяло в короткое время сосредоточить значительные силы в месте, где добровольцы вынуждены были бы пересекать железнодорожные пути. Также, Лукомский ставил под большое сомнение желание Кубанского казачества подняться и воевать бок о бок

---

⁴⁴ По понятным причинам Богаевский не мог отстаивать свою позицию столь же настойчиво, как Лукомский. Он лишь её обозначил. Более того, решение идти на Кубань он воспринял с пониманием. «Сам я лично думал тогда, – вспоминал генерал, – что доберёмся как-нибудь до Кавказа, и если нас не поддержат кубанцы и горцы, то придётся рассеяться и ждать лучших дней в кавказских дебрях или за границей».

с добровольцами. Пример донцов свидетельствовал об обратном...

Деникин пишет, что в результате было принято решение идти походом на Кубань. Но, думается, вопрос всё ещё оставался открытым. Следует также отметить, что Деникин в конце совещания заявил о необходимости выставить севернее занимаемой станицы охранение. Однако считалось само собой разумеющимся, что противник преследовать Армию в стороне от железных дорог не станет. В результате *настоящего* охранения не было ни в Ольгинской⁴⁵, ни позднее в Хомутовской.

Во второй половине дня 13(26) февраля в Ольгинскую в сопровождении своего начальника штаба полковника В.И. Сидорина и офицеров конвоя прибыл Походный атаман Донского войска генерал П.Х. Попов. Корнилов вновь созвал совещание высших начальников, на котором предложил атаману объединить усилия, действовать против большевиков согласованно и совместно выступить к Екатеринодару. Попов сообщил, что возглавил отряд общей численностью до 1500 штыков и сабель при 5 орудиях и 39 пулемётах, но от похода на Кубань категорически отказался. Объясняя своё решение, Походный атаман пояснил, что его отряд, собранный из казачьих дружин и подразделений, устойчивостью Добровольческой армии не обладает. И если придётся выступить за пределы Области, казаки могут просто разойтись по домам⁴⁶. Вместе с тем, Попов гарантировал, что в зимовниках добровольцы не только смогут прокормиться, но также пополнят конский состав и создадут полноценную кавалерийскую часть. К весне же, по его словам, казачество должно было подняться против большевиков, и тогда можно было бы приступить к решительным действиям.

Алексеев и другие генералы возражали. Горячо выступил в

---

⁴⁵ После того, как донские партизаны ушли от переправы и влились в состав Армии.

⁴⁶ Нельзя сбрасывать со счетов и личностный фактор. Атаман отдавал себе ясный отчёт, что если присоединится к Добровольческой армии, рано или поздно ему придётся войти в подчинение Корнилову. Нетрудно догадаться о том, что подобная перспектива мало его привлекала.

поддержку Походного атамана Лукомский⁴⁷. К тому же склонялся и Корнилов, чьё слово было последним и решающим.

В итоге договорились о том, что донцы выдвинутся в Сальский округ, а Добровольческая армия станет южнее. Чтобы не перемешаться на марше, следовать предполагалось параллельными маршрутами, поддерживая друг с другом постоянную связь. Однако и это решение не было окончательным. Корнилов продолжал колебаться и направил в Задонье для разведки района зимовников, а также, и для ремонта конского состава дивизион полковника Гершельмана⁴⁸. В тот же день генералы Лукомский и Ронжин, переодетые в штатское, в бричке отправились в Екатеринодар для установления связи с Кубанским правительством⁴⁹.

---

⁴⁷ «...При нашей армии или, правильнее сказать, при нашем небольшом отряде, – говорил генерал, – более двухсот раненых и чрезмерно большой обоз с боевыми припасами и ружьями, который бросить нельзя. Обозные лошади, набранные главным образом в Ростове, уже теперь имеют жалкий вид и еле тянут свои повозки и сани... При наступлении на Екатеринодар нам нужно будет два раза переходить через железную дорогу... Большевики, будучи отлично осведомлены о нашем движении, и тут, и там преградят нам путь и подведут к месту боя бронированные поезда. Будет трудно спасти раненых, которых будет конечно много. Начинаящаяся распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затруднит движение; заменить выбивающихся из сил лошадей другими будет трудно. Наконец, мы совершенно не осведомлены о том, что происходит на Кубани; возможно, что наш расчёт на восстание кубанских казаков ошибочен и нас там встретят, как врагов... Лучше поступить так, как предлагает сделать Походный атаман войска Донского, то есть пока перейти в район зимовников и в этом районе, прикрываясь с севера Доном и находясь в удалении от железной дороги, переформировать нашу армию, исправить и пополнить обоз, переменить конский состав и несколько отдохнуть... Большевики месяца два... не будут страшны: они не посмеют оторваться от железной дороги. Если же рискнут на какую-либо операцию, то будут разбиты. Месяца же через два, с новыми силами, мы, в зависимости от обстановки, которая к этому времени выяснится, примем то или иное решение...»

⁴⁸ «С уходом Гершельмана, – писал в своих воспоминаниях Я. Александров, – вся наличная конница представлялась в виде конного «отряда» Глазенапа в составе тринадцати персон разного возраста, чина и даже пола».

⁴⁹ Через несколько дней оба они были задержаны в селе Гуляй-Борисовка, содержались под арестом и чудом избежали расстрела. Лукомский проследовал в Царицын, затем, в Киев и Одессу. Вновь присоединиться к Добровольческой армии ему удалось лишь в июле 1918 г.

14(27) февраля на рассвете добровольцы выступили из Ольгинской. В непосредственной близости от станицы был назначен сборный пункт, где части занимали определённое для движения место. В авангарде шёл Офицерский полк генерала Маркова, 1-я батарея и Техническая рота. За ними следовали обоз и остальные части, отданные под команду генерала Боровского. Замыкал колонну Партизанский полк Богаевского⁵⁰. Пройдя по непролазной грязи, в которую превратился из-за оттепели грунтовый тракт, до двадцати километров, Армия к вечеру сосредоточилась в Хомутовской. Благодаря расторопности высланных заранее квартирьеров части без промедления стали на отдых и ночлег. Охранения вновь не было, если не считать нескольких одиночных постов, выставленных в крайних хатах на северо-западной окраине станицы.

В ночь на 15(27) полковник Глазенап получил из штаба приказ Корнилова с указанием «коннице пройти в Ольгинскую и узнать, есть ли там большевики⁵¹». Ещё до рассвета конный отряд вышел из Хомутовской. Впереди следовало охранение из четырёх кавалеристов – авангард. На небольшом удалении – остальные, не более десятка. Пройдя до двух километров, авангард наткнулся на разворачивающихся в цепь красногвардейцев, был ими обстрелян, свернул в степь и в дальнейших событиях не участвовал. Глазенап принял решение в бой не вступать, обойти противника и выяснить, занята ли Ольгинская. Дойдя по целине до станицы, добровольцы обнаружили, что в ней расположилась кавалерийская часть противника, о чём впоследствии и было доложено Корнилову.

Тем временем несколько эскадронов 4-й кавдивизии с одним орудием со стороны станицы Злодейской подошли к южной окраине Хомутовской. С этого направления не было вы-

⁵⁰ В этом же порядке Армия совершала пешие переходы на протяжении всего похода. Лишь иногда по договорённости между генералами Офицерский и Партизанский полки менялись местами, попеременно составляя то голову колонны, то её арьергард.

⁵¹ Незадолго до этого была получена записка А.П. Богаевского, в которой генерал просил Глазенапа направить в Ольгинскую дозор и доставить забытое в станице пальто. Вероятно, Глазенап запросил в штабе подтверждение и вскоре получил соответствующий «официальный» приказ.

ставлено даже и постов, и обнаружены советские конники были, лишь когда пули начали уже стучать по крышам. В это самое время Армия готовилась выступить из станицы. Конница противника вышла как раз к переезду, где вытягивался в колонну обоз. Орудие стало бить прямой наводкой по повозкам, одну из которых тут же опрокинуло близким разрывом. Мгновенно распространилась паника. Возницы рысью рванулись вперёд и, пока всё не закончилось, успели проскочить по направлению к Кагальницкой до трёх километров.

Общим стихийным движением была захвачена и 1-я Офицерская батарея. Упряжки с двумя её орудиями оказались в середине обоза и поневоле неслись вместе со всеми. Остановились, лишь, когда вышли из-под обстрела. Тут к батарее подскочил вестовой с приказанием остававшегося на месте подполковника Миончинского немедленно вернуться в станицу. Батарея развернулась и тем же аллюром проследовала обратно.

Паника уже улеглась, да строевые части она и не затронула. Корнилов и Алексеев успели навести порядок. Партизанская цепь рассыпалась между домами, на фланге всюду стучал пулемёт «корниловцев». Пехота Сводно-Офицерского полка и Юнкерского батальона уже выходила из Хомутовской навстречу.

Тем не менее, на буграх перед станицей конница скапливалась, как будто для атаки. Двух десятков снарядов, выпущенных орудиями 1-й Офицерской батареи, оказалось достаточно, чтобы сбить с холмов развернувшуюся было конную лаву, и заставить противника отойти. Преследование было невозможно, так как на землю опустился густой туман. К тому же в станице своей конницы у Корнилова почти не было.

В Офицерском полку один доброволец был зарублен, другой тяжело ранен сабельным ударом в щёку. В обозе несколько человек также получили ранения, в том числе, и одна из сестёр

П.В. Глазенап

милосердия. В 1-й батарее никто из личного состава не пострадал, но были ранены и стали непригодны к дальнейшей службе четыре тягловых лошади.

Неожиданное нападение на некоторое время задержало выступление Армии, но вскоре она, выстроившись в колонну, в том же порядке покинула Хомутовскую. За станицей, стоя с конвоем на пригорке, Корнилов в первый раз пропускал колонну перед собой. Воодушевлённые добровольцы приветствовали Командующего. Об упадке боевого духа не было и речи, напротив, все были полны решимости продолжать борьбу и налётом ни в малой степени не обескуражены. Распространилось также мнение, что большевики вдали от железных дорог крупными силами угрожать Армии не смогут.

Тем не менее, на этот раз были приняты меры для того, чтобы прикрыться от противника. Добровольцы двинулись на Кагальницкую, дивизион же Глазенапа был оставлен в Хомутовской для охраны вывозимого имущества и как заслон от возможной активности противника. Задержавшись здесь на сутки, 16 февраля (1 марта) Глазенап вышел из станицы, которую вскоре заняли большевики. В дальнейшем дивизион следовал на некотором удалении от колонны, составляя её охранение и арьергард.

В тот же день на днёвке в Кагальницкой полковнику Глазенапу были подчинены присоединившиеся к Армии сотня подъесаула Бокова и сотня имени Бакланова⁵², а также конники из состава Корниловского полка. В результате под его командой насчитывалось уже до трёхсот сабель, и дивизион превратился в настоящую кавалерийскую часть. Когда 17 февраля (2 марта) Армия выходила из Кагальницкой, Глазенап задержался на два часа и на полпути к Мечетинской устроил засаду⁵³. Спешенные добровольцы заняли пологие склоны широкой балки. Вперёд

---

⁵² Сотня в 50 сабель под командованием есаула Г.П. Власова вышла из Новочеркаска утром 12(25) февраля, проследовала самостоятельно, вне состава отряда П.Х. Попова на станицу Богаевскую и лишь позже вышла в расположение Добровольческой армии.

⁵³ И. Какурин утверждает, что засада была устроена между Мечетинской и Егорлыкской 19 февраля (4 марта).

была выслана жиденьякая лава. Едва подошли эскадроны 4-й кавдивизии, считанные конники Глазенапа, не принимая боя, стали отходить. Большевики преследовали их и в конном строю углубились в лощину. Здесь они были встречены ружейным и пулемётным огнём в упор. Потеряв несколько десятков человек, советские кавалеристы поспешили отступить и от дальнейшего преследования отказались.

Армия, никем более не тревожимая, проследовала далее. В связи с принятым решением идти на отдых в зимовники, а больше, из-за распутицы, превратившей в болото дороги, переходы были короткими и небыстрыми, но вовсе не лёгкими⁵⁴. За шесть дней, от Ольгинской до Егорлыкской, добровольцы прошли не более 90 километров. 15(28) февраля, благополучно перейдя железную дорогу Батайск – Торговая, заняли Кагальницкую, где задержались на двое суток. 17 февраля (2 марта) были в Мечетинской и, наконец, 19 февраля (4 марта) – в Егорлыкской, где также была назначена Корниловым днёвка.

Во всех станицах устраивали сход. Перед казаками выступали обычно Алексеев, Корнилов и Баткин. Постаревший, благообразный Алексеев вызывал у казаков особое уважение, многие в толпе плакали. Корнилов, никогда не бывший хорошим оратором, и здесь многословностью не отличался. Говорил ко-

---

⁵⁴ «...снег растаял, вся дорога представляла собою какое-то сплошное болото, которое с остервенением месили люди и лошади... Целый день месили грязь, – вспоминали артиллеристы 1-й батареи. – Измученные лошади отказывались везти, и орудия то и дело останавливались. Кому не приходилось совершать такие тяжёлые переходы, тот не знает, сколько напряжения, труда и колоссальных усилий понимается под фразой: «дорога была тяжёлая, батарея шла едва две версты в час». Измученные люди, стоя по колено в грязи, с отчаянной решимостью, написанной на забрызганных грязью лицах, как мухи облепляли пушку. «Раз, два, три», – слышался надрывающийся голос командира, звучащий то страшной злобой, то умаляющей просьбой, то безысходным отчаянием. Пушка сдвигалась с места. Пройдя сажень 50, опять останавливалась. И так всю дорогу.

Ночью пришли в Мечетинскую...»

Не намного легче приходилось и пехоте. Вот что пишет А.М. Критский: «Под лучами солнца чернозём растопился. Липкая грязь то всасывала в себя сапоги так, что они оставались в ней, и приходилось, уже стоя босиком, их вытаскивать обеими руками, то эта клейкая жижа вливалась за голенища, и тогда сапоги хлюпали, как насос...»

ротко, резко и зло. Матрос Баткин⁵⁵, привыкший к иной аудитории, не знавший ни быта, ни жизни казачества, общего языка со станичниками найти так и не мог.

Говорили, в общем-то, об одном и том же. О том, что добровольцы бьются, в том числе и за казачьи интересы. Доказывали, что с большевиками казачеству не по пути. Призывали подняться на борьбу и идти вместе с ними. Казаки слушали, многие сочувственно, но присоединяться к Армии не спешили. Не приходится говорить не только о массовом пополнении за счёт казачества Задонья⁵⁶, но даже и об отдельных казаках, вставших в ряды Добровольческой армии. И хотя, несомненно, находились и такие, никто из очевидцев об этом не упоминает. Думается, присоединившихся было немного, считанные люди...

Всё это объяснимо и решилось ещё в январе, когда Донские полки снялись с границ Области, отказавшись от защиты Атаманской власти. В представлении казаков выдвленная из Ростова крохотная Добровольческая армия была обречена. Так стоило ли присоединяться к побеждённым?

Удивляет другое. Ни малейшего беспокойства станичников за будущее очевидцы не отмечали. Напротив, поражала уверенность, что произошла всего лишь перемена центральной власти и на повседневной жизни это никак не скажется⁵⁷. Когда

---

⁵⁵ Эсер Фёдор Баткин, увлечённый патриотическим порывом, в марте 1917 г. поступил добровольцем на Черноморский флот (матрос 2-й статьи). Был избран в комитет и, направляемый и финансируемый Ставкой, занялся агитационной деятельностью. Выступал на солдатских и рабочих митингах, отстаивая позицию «оборончества». Советскую власть не принял. В январе прибыл в Ростов, где агитировал в пользу Добровольческой армии, с которой и покинул город.

⁵⁶ По свидетельству А.П. Богаевского, в Ольгинской члены станичного правления обещали выставить от станицы в поддержку Армии до 150 пеших и конных казаков. Однако в условленное время на место сбора не прибыл ни один.

⁵⁷ «Мы шли походом от станицы к станице вдоль Маныча, делая переходы по 25-30 вёрст, – пишет Н.Н. Львов. – В станицах казаки не относились к нам враждебно, но они, как тогда говорили, «держали нейтралитет». За всё мы платили – за стол, за ночлег, за сено и овёс для лошадей. Было строго запрещено что-либо брать даром... В станицах всего было в изобилии. Ни в чём мы не терпели лишения.

...есаул Родионов старался растолковать хозяевам, за что мы боремся.

добровольцы предостерегали, что казачество неизбежно будет ущемлено в правах и, прежде всего, потеряет Войсковые земли, многие лишь улыбались в ответ, отвечая, что «край богатый, хватит на всех, хоть на большевиков, *хоть на немцев*».

И всё же у служилого сословия Дона не мог не вызвать сочувствия беззаветный порыв и упорство офицерских рот, и отношение скорее было доброжелательным⁵⁸, тем более что Корнилов распорядился не допускать реквизиций и за всё расплачиваться сполна.

В Мечетинской Корнилов получил «новые сведения» о районе зимовников, резко отрицательного характера⁵⁹. Тут же он вызвал к себе командиров-донцов, в основном из Партизанского полка⁶⁰. Думается, окончательное решение даже и после этого Командующим принято ещё не было. Он сообщил офицерам о неудовлетворительном, в отношении перспектив размещения Армии, состоянии района зимовников. И в директивной форме, как всегда сухо и категорично, указал новые цели и маршрут похода, на Кубань за пределы Области. Особой радости это у присутствующих не вызвало, но вопросов, тем более, возражений не последовало. Выбор свой подавляющее большинство

Хозяин-казак как будто соглашается, подумает и вдруг скажет: «Нам ничего дурного не сделают. Они с буржуями воюют, а нас казаков не тронут».

...Никому не было охоты оставить жену, хозяйство и идти в поход.

«Наше дело сторона, – говорил мне на одной из стоянок бойкий малый лавочник. – Поглядим, чья возьмёт».

...Под вечер к нам на постоялый двор зашли два казачьих офицера. Они только что вырвались из Гуляй-Борисова, где их окружили мужики с вилами и дреколём. Едва им удалось отбиться и ускакать. Один из них получил удар дубиной в спину.

Когда на другое утро мы выезжали из ворот постоялого двора, казачьи офицеры вышли на балкончик провожать нас. Они и не подумали пойти с нами...»

⁵⁸ В Мечетинской в станичном правлении в 1-ю батарею была передана амуниция, оставленная одной из казачьих батарей. Здесь же помогли купить четырёх ездовых лошадей взамен раненых под Хомутовской.

⁵⁹ Вероятно, речь идёт о докладе капитана Капелько, разведывательная группа которого была выслана для рекогносцировки района зимовников ещё до оставления Ростова.

⁶⁰ И. Какурин определяет число донцов в Армии на момент выхода из Ольгинской в 1200-1300 человек.

сделало, едва записавшись в Армию – идти с Корниловым до конца.

Всё движение добровольцев от Ольгинской к Егорлыкской производилось таким образом и в том направлении, которое оставляло командованию возможность как выхода с юга к зимовникам, так и поворота на Кубань. Егорлыкская была последней донской станицей. Именно здесь Корнилов окончательно определился с дальнейшим: на Кубань. И не только потому, что в безлюдных заснеженных, продуваемых ветром степях разместить и прокормить Армию было невозможно.

Тракт пересекал границу Области и пролегал через Лежанку⁶¹, богатое крестьянское село Ставропольской губернии⁶². Известно было, что в Лежанке и окрестных хуторах расположились подразделения 39-й пехотной дивизии, но в Егорлыкской выяснилось, что дивизия решительно стала на сторону большевиков и к добровольцам относится враждебно. Становилось очевидным, отсидеть в зимовниках не удастся. Чтобы войти в боевое соприкосновение с Добровольческой армией, советским войскам вовсе не требовалось переправляться через Дон. Значительные их силы уже находились в непосредственной близости и в любой момент могли атаковать.

К тому же это были не наспех собранные отряды, не красногвардейцы, а боевые части, достойно отвоевавшие на Турецком фронте и, в частности, участвовавшие во взятии Эрзерума. Кто-то из старших начальников даже предлагал Корнилову не ввязываться в бой с таким серьёзным противником⁶³ и обойти Лежанку. Но это было невозможно. Оставлять в своём тылу крупный советский отряд Армия не могла. Не пойдя Корнилов на Лежанку, весьма вероятно, большевики сами последовали за ним. Встреча в создавшихся условиях представлялась неизбежной. Оттянуть её было возможно, но в этом случае столкновение могло произойти куда в более неблагоприятных условиях, когда с фронта дорогу загородили бы части, вы-

⁶¹ Другое название селения – Егорлыкское Среднее. Ныне Средний Егорлык Ростовской области.

⁶² Ставрополье изначально заселялось исключительно крестьянами.

⁶³ Об этом свидетельствует Я. Александров.

сланные из Тихорецкой, а тылу угрожало ополчение Лежанки.

Возможностей было две. Либо первыми атаковать пока ещё разбросанные на большой площади, изолированные друг от друга силы противника. Либо, избегая, где возможно, боестолкновения, отдать инициативу в надежде на то, что советские отряды и в дальнейшем будут действовать пассивно и каждый сам по себе. Выстраивать стратегию, полагаясь на неорганизованность противника, означало целиком и полностью положиться на волю случая и не зависящих от Командующего обстоятельств. Поэтому в создавшейся ситуации альтернативы для Корнилова не существовало.

К тому же, прежде чем двинуться в поход к Екатеринодару, где большевики без сомнения располагали многократно превосходящими силами и благодаря развитой сети железных дорог имели неограниченную свободу манёвра, необходимо было вновь убедиться в высокой боеспособности добровольцев, проверить Армию в полевом бою. Если бы не удалось взять Лежанку и разбить преградившего дорогу противника, о походе на Кубань нечего было и думать.

Из Лежанки прибыла делегация от сельского схода. Выяснилось, что в селе объявлена мобилизация, фронтовики из молодёжи вооружаются и роют окопы. Делегаты просили Корнилова не входить в село. Корнилов ответил, что это невозможно, но пообещал, что если Армии не будет оказано сопротивления, она после отдыха и ночлега покинет Лежанку и никто при этом не пострадает⁶⁴.

На рассвете 21 февраля (6 марта) Добровольческая армия начала выдвигаться из Егорлыкской на Лежанку. В голове колонны шёл Офицерский полк с 1-й батареей и Техническая рота. Тут же рядом продвигался шагом успевший присоединиться к

---

⁶⁴ Как часто бывает в подобных случаях, среди добровольцев распространились слухи о том, что достигнута договорённость – Армию пропустят без боя. Однако, судя по тому, что «марковцы» развернулись в боевой порядок ещё на подходе к Лежанке, никаких иллюзий относительно возможности мирного исхода ни у Корнилова, ни у начальников не оставалось. Возможно, делегаты заверили, что попытаются уговорить фронтовую молодёжь пропустить Армию. Но не более того.

Армии дивизион Гершельмана. Генерал Марков проскакал с ординарцами мимо своих частей, здороваясь на ходу, и скрылся вдали. Колонна шла. Сделали один привал, уже на подходе к селу – второй.

По колонне передали команду:

– Ротные командиры к командиру полка!

Чуть в стороне, с левой стороны от дороги сгрудились возле Маркова и Тимановского ротные, туда же подъехали верхами Миончинский и Гершельман. Получив указания, вернулись к своим подразделениям.

Полк стал на дороге. Вперёд выдвигались заставы. От шедшей в авангарде 4-й роты отделились два взвода и пошли вперёд, влево от дороги. В незначительном отдалении за ними – вся рота. Один взвод 1-й роты двинулся прямо по дороге, другой взял правее. Конница Гершельмана ушла на рысях влево и скрылась за холмами. Едва заставы удалились на расстояние до километра, полк в походном порядке продолжил движение.

Лежанка располагалась на равнине, за высоким гребнем и рекой Средней Егорлык. Видна была лишь приближающаяся верхушка церковной колокольни. И речка, и село скрывались за холмом. Вдруг, высоко над колонной расплылось в небе белое облачко. За ним другое, третье... Это были разрывы шрапнели. Советская батарея в Лежанке открыла огонь...

6.3. Лежанка

Трудно определить даже и приблизительное число бойцов, оборонявших «Лежанский план». Можно лишь предположить, что противостояли Добровольческой армии от 800 до 1000 солдат. Часть сил 39-й пехотной дивизии осела в селе ещё при выдвижении соединения на Кубань. Другая часть, неполного состава батальон 154-го Дербентского полка⁶⁵ и две батареи 39-й артиллерийской бригады, очевидно, были направлены из

---

⁶⁵ 123-й дивизии 5-го Кавказского армейского корпуса. По свидетельству Н.Н. Львова в бою за Лежанку принимали участие офицеры 491-го Варнавинского полка. Вероятно, это всё же ошибка, обусловленная активным участием «варнавинцев» в последующих боях.